

Л.А. Жданова (Москва)

СОМАТИЗМЫ В ЯЗЫКЕ И В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Соматизмы (обозначения частей тела) характеризуются рядом особенностей как в семантическом, так и в функциональном аспекте. Будучи связанными между собой многоступенчатыми партитивными отношениями, они при этом являются именами «неотторжимой принадлежности». Последние Ш. Балли охарактеризовал как «имплицитные синтагмы» (Балли, 1955, 151-152): для создания осмысленного, информативного высказывания соматизмам необходимы распространители. С одной стороны, «названия частей всегда воспринимаются как зависящие от обозначения целого, через указание на которое и достигается референция (*голова богини Ники*)» (Арутюнова, 1980, 175), с другой стороны, особую значимость для соматизмов приобретает предикативная и атрибутивная сочетаемость. Определение в ряде конструкций с соматизмами («человек с + соматизм» и др.) при синтаксической зависимости является обязательным и семантически главным элементом (*человек с печальными глазами, мужчина с орлиным носом, девушка с длинными ногами*). Сочетания *человек с глазами (с носом, с ногами ...) информативно недостаточны, так как ничего нового по сравнению с нормой (наличием у человека всех положенных частей тела) не выражают (в отличие от *человек без глаза, без ног ...*, а также *человек с усами (бородой...)* и под.). Можно определить эту особенность как обнаружение соматизмами семантической валентности на качественный определитель, причем пресуппозитивные семы в таких сочетаниях содержит существительное, а асертивные – прилагательное, которое, соответственно, и несет основную часть сообщения (Вольф, 1979, 127).

При распространении в синтагме соматизмы приобретают способность выражать **оценочные** смыслы, а также передавать информацию об **эмоционально-психическом состоянии** человека, становясь знаками других знаков – мимических движений или жестов, являющихся конвенциональными обозначениями внутреннего состояния человека. Так, соматизмы, соединяясь с предикатами, обозначающими мимическое движение (*вскинуть, нахмурить брови, широко раскрыть глаза*), описывают не внешность человека, а его эмоционально-психическое состояние (вскинутые брови – знак удивления, недоумения, нахмуренные брови – гнева, недовольства, широко рас-

крытые глаза – удивления или страха). Вскинутые брови могут быть внешним проявлением целой гаммы чувств. Наблюдатель скорее всего интерпретирует такое движение бровей в рамках общепринятых, приписываемых данной культурой данной мимике значений. Однако одно мимическое движение зачастую может конвенциально обозначать различные чувства, эмоции, состояния, поэтому существует возможность уточнения, конкретизации путем их непосредственного называния (*удивленно, вопросительно, надменно, возмущенно вскинутые брови*). С другой стороны, такая неоднозначность сохраняет возможность выбора, индивидуальной интерпретации, что важно с точки зрения языковой выразительности и широко используется в художественном тексте.

Способность к выражению в синтагме информации о различных (физических, эмоциональных, психологических) состояниях человека и о присущих ему чертах характера является одной из специфических особенностей обозначений частей тела, однако разные соматизмы имеют различные потенции в этом плане. В определенной мере эта разница объясняется внеязыковыми факторами: согласно мнению психологов, «большинство людей в процессе общения концентрируют свое внимание на лицах партнеров и больше всего на глазах, которые оказываются видимым центром человека для воспринимающего субъекта» (Бодалев, 1965, 17-18). Лицо служит важным источником информации об испытываемых человеком эмоциях, и это отражается в языке: наибольшее количество соответствующих синтагм образуют слова *лицо* и *глаз*, несколько меньшее – *лоб, рот, бровь, губа, рука, плечо*.¹ Сильное изменение конфигурации лица чаще воспринимается как выраждающее интенсивные отрицательные эмоции (*искаженное лицо, в лице перемениться* и др.), однако полная его неподвижность квалифицируется как бесчувственность и оценивается отрицательно (*каменное, гипсовое, деревянное, окаменелое лицо*). Глаза, воспринимаемые в русской культурной традиции как «зеркало души», язык приписывает способность к выражению всего спектра чувств, эмоций и состояний.² Глаза образуют нормативные сочетания практически с

¹ Использовались материалы словарей сочетаемости, в частности (Денисов, Морковкин, 1978), (Горбачевич, Хабло, 1979), а также данные картотеки примеров, собранной автором статьи.

² Психологические характеристики человека дифференцируются в психологии по признаку длительности. Среди них выделяют: а) характерные черты, качества, свойства характера, постоянно присущие человеку (благородство); б) душевые состояния, чувства (влюбленность); в) эмоции – ситуативные психические состояния человека, его реакция на окружающую действительность в конкретный момент (гнев,

любым прилагательным, образованным от названия эмоции или чувства (*беспечные, бесстыжие, благодарные, усталые, измученные* и пр.).

Эмоционально-психологическая характеристика человека может выражаться в синтагме с соматизмом разными способами. Эмоция, чувство, свойство человека могут быть непосредственно названы в атрибутивной синтагме (*влюбленные глаза, лукавый рот, испуганные брови*). Практически все соматизмы, способные выражать в синтагме эмоционально-психологические характеристики человека, образуют сочетания такого типа. Синтагма с соматизмом может обозначать мимическое движение или жест, опосредованно выражая соответствующую эмоцию или психологическое состояние: *сдвинутые брови, нахмуренный лоб, сжатые губы, всплеснуть руками*. Психологические характеристики могут обозначаться образно, метафорически: а) *гипсовое лицо, пламенные глаза*; б) *потухшие глаза, сияющее лицо*; в) *чистые глаза, ясное лицо, жадные губы*. Именно такая сочетаемость преобладает у слова *глаз*, соответственно, с глазами связано наибольшее количество ассоциативных образов.¹

Большинство сочетаний с соматизмами характеризуется двуплановостью семантики: помимо информации об объекте номинации они содержат информацию о нарекающем субъекте, предполагают наличие наблюдателя и его точки зрения, что позволяет расценивать такие сочетания как языковые выразительные знаки, которые обретают в художественном тексте особую смысловую значимость.²

Синтагмы с соматизмом способны характеризовать не только внутреннее состояние человека, но и выражать **аксиологические смыслы**. Так, выражают оценку сочетания соматизмов с некоторыми

удивление). Количество эмоциональных состояний очень велико. При их классификации проводится основное разделение на отрицательные и положительные (иногда выделяют еще нейтральные).

¹ Перечислим некоторые из них: ‘водоем, жидкость’ – *бездонные, прозрачные, мутные, жидкие*; ‘лед’ – *холодные, ледяные, леденящие*; ‘огонь’ – *огненные, пламенные, жаркие, горячие, прожигающие, искрометные, искрящиеся, потухшие*; ‘свет’ – *блестящие, лучистые, сияющие*; ‘движение’ – *быстрые, бегающие, блуждающие, остановившиеся, застывшие, неподвижные*; ‘нечто острое’ – *пронизывающие, колющие, сверлящие*.

² Языковая выразительность понимается в соответствии с определением О.Г. Ревзиной: «Языковой знак является выразительным, если помимо собственного, определяемого его статусом в языке значения несет информацию о коллективном или индивидуальном нарекающем субъекте». (Ревзина, 1998, 22)

дескриптивными прилагательными. Например, сдвиг от дескриптивного значения к оценочному в синтагме с соматизмом происходит в семантике колоративов. Цветовая насыщенность, интенсивность естественного цвета глаз, губ, щек, бровей оценивается в языковой «картине мира» положительно, ослабленность или изменение естественного цвета – отрицательно (*алые, вишневые, яркие... губы – белые, бескровные, синие губы*). Можно говорить о потенциальных оценочных компонентах в значениях дескриптивных прилагательных (*высокий лоб, тонкие губы, густые брови* и пр.), которые реализуются либо устраняются в зависимости от типа текста, от коммуникативного задания говорящего. Если основной в тексте является функция идентификации (например, в информации о розыске) – оценочный компонент отсутствует, если выполняется еще и характеризующая функция (например, в рекламе косметического салона) – оценочная семантика реализуется. Что же касается художественного текста, то любая портретная характеристика, описание внешности в литературном произведении служит средством создания образа и подчинено авторскому замыслу и видению мира. Это осложняет семантику даже тех слов, которые в нехудожественном тексте обладают только дескриптивным или номинативным значением.

Функциональная нагрузка соматизмов в различных видах дискурса неодинакова. Так, в медицинском тексте, рекламной статье или в спортивном репортаже преобладающим является номинативное употребление соматизмов. В **художественном тексте** соматизмы могут иметь различную функциональную нагрузку, но в любом случае обладают значимостью в рамках всего текстового целого. Они могут использоваться: 1) для описания внешности, портретной характеристики. *Длинная черная коса на спине, смуглое лицо с маленькими темными родинками, узкий правильный нос, черные глаза, черные брови* (Бунин. Русь); для портретной характеристики с оценочным компонентом: «*А вот к кому ходит дьяк!*» – сказала баба с *фиолетовым носом*, указывая на ткачиху (Гоголь. Ночь перед рождеством); 2) для передачи эмоций, душевных состояний, психологической характеристики. *Везде, везде все пары, пары Дрожанье губ и дерзость глаз* (Цветаева. В Париже).

Функциональная нагрузка соматизмов неодинакова в творчестве разных авторов. М. Цветаева, например, широко использует соматизмы для передачи психологических состояний, переживаний. Показательно то, что самыми частотными у Цветаевой являются *глаза (очи), лицо (лик), рот, губы (уста), брови*, то есть именно те соматизмы, которые наиболее приспособлены для передачи внутренних состояний человека. Ю. Олеша в повести «Зависть» использует сома-

тизмы в основном для описания наружности, портретной характеристики. Для Ю. Олеша характерна точность в передаче физического облика героев повести, но описания «внешни», «зримы», никак не характеризуют внутреннюю жизнь персонажей, что соответствует идеально-художественному строю «Зависти». Наиболее частотными у Ю. Олеша являются соматизмы *голова, лицо, лоб, уши, нос, глаза, затылок, зубы*, при этом *глаза и лицо*, имеющие максимальную способность к выражению внутренних, эмоционально-психических состояний, не реализуют ее, что само по себе создает эффект «овеществления» героев. Частым является употребление в повести соматизма *висок*: *Вдова жгла над плитой лучину. Она посмотрела на него из-за виска и самодовольно улыбнулась; Делая усилие, Кавалеров припал к окну виском и увидел двор, огражденный каменной стеной; Немцы, не по-русски красные, с румянцем, начинаящимся от висков, пестро перетасовались с москвичами.*

Проза Ю. Олеша богата индивидуально-авторскими сочетаниями, которые, однако, реализуют существующие в языке модели. Рассмотрим пример: – *Кого?* – спросил Том Вирлири. – *Как?* – спросил он, морщась от непонимания. *Приподнялись его виски.* Поднятые брови – признак удивления, непонимания. Виски, во-первых, физически не могут быть приподняты, а во-вторых – в стандартной сочетаемости слово *висок* не выражает никакой информации об испытываемых человеком эмоциях. Однако не только поднимание бровей, но и в целом движение лицевых органов вверх может обозначать удивление, недоумение (*удивленно приподняты уголки губ*), непонимание, мыслительное усилие (*наморщенный лоб*). Таким образом, Ю. Олеша создает окказиональное сочетание на основе нормативного «соматизм + название мимического движения» в соответствии со своим авторским замыслом. Показательно, что в переводе «Зависти» на французский язык образ оригинала не передан, индивидуально-авторское *виски приподнялись* переведено стандартным *en soulevant tres haut ses sourcils* ‘поднимая высоко брови’ с потерей части смысла.

Герои повести, облик которых описан достаточно подробно, будто бы «разъяты». В особенности это относится к характеристикам Андрея Бабичева в I-й части (написанной от лица Кавалерова). Части тела героя, различные органы (глаза, уши, даже ноздри) функционируют как бы самостоятельно, автономно, человек предстает не как целое, а как некий комплекс, аппарат, состоящий из деталей, каждая из которых может жить собственной жизнью. Этот эффект достигается разными способами, преимущественно с использованием соматизмов:

1. Постановкой соматизма в позицию подлежащего (субъекта действия).

Но глаза его скользят по афишам, по витринам, но края ушей улавливают слова из чужих разговоров; Висит под абажуром нижнее полушарие головы; Умирал президент, дышал, закатывались веки; Смеющееся лицо – румяный горшок – качалось в окне автомобиля; Голова Бабичева повернулась ко мне на неподвижном туловище, на собственной оси, как на винте. Спина его оставалась неподвижной.

2. Соположением соматизма (обозначения *части тела*) с предикатами, предполагающими одушевленность и автономность субъекта действия, наличие у него собственной воли: *Лицо Бабичева обратилось ко мне. Одну десятую долю секунды оно пребывало ко мне обращенным; Его глаза устремились туда, где разворачивались удивительные события.*

3. Соположением соматизма с предикатом, обозначающим действие человека в целом, а не отдельной части тела: *Прошло его туловище над каким-то деревянным бортом. В стандартной сочетаемости еще возможна была бы метонимия прошли его ноги, так как последние непосредственно осуществляют действие. Данное же употребление является индивидуально-авторским, рассчитанным на достижение эффекта «расчлененности», механистичности в описаниях героев повести.*

Такая подчеркнутость «фактуры» героев, «инвентаризация» их, выдвижение на первый план вместо человека части его тела имеет свой смысл – возможность расчленения на части предполагает неодушевленность целого, уподобление человека машине, автомату, вещи. И в то время, когда человек «разодушевляется», уподобляется вещи, неодушевленные субстанции описываются как независимые от человека, автономные, наделенные собственной волей, а непредметные сущности «материализуются»: *Какое-то слово, которое нужно было сказать ему, как будто уже вырвалось из моих губ, и я догнал его, спеша, боясь не догнать, потерять и забыть; Головка церкви, казалось, летала до тех пор, пока Кавалеров не поймал ее взглядом.*

Итак, на первый взгляд, Ю. Олеша в своей повести не использует те выразительные возможности соматизмов, которые заложены в языке (способность передавать внутреннее состояние человека, оценку), либо трансформирует их. Однако то, что он от них отказывается, создает художественное своеобразие повести, а то, как он это делает, позволяет сделать вывод о значительной роли соматизмов в языковой ткани произведения.

В языке существуют различные способы, которыми можно описать внешность человека, выразить отношение к нему, охарактери-

зователь его эмоционально-психологическое состояние. В частности, это можно сделать при помощи соматизмов. Выбор зависит от видения мира и от воли нареющего субъекта. «Каждый раз, когда нам надо что-то сказать, язык предоставляет нам несколько способов высказать желаемое. В этом и состоит проблема стиля» (Гиро П. Цит. по: Долинин, 1987, 25). Соматизмы как фрагмент «культурной модели человека», отраженной языке, заслуженно привлекают внимание лингвистов (Вежбицкая, 1999). Исследование соматизмов в авторских идиолектах как лингвистическая задача тоже представляется перспективным, так как изучение какого-либо конкретного идиолекта неизбежно приводит к изучению языка.

Литература

- Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Вольф Е.М. Прилагательное в тексте // Лингвистика и поэтика. М., 1979.
- Бодалев А.А. Восприятие человека человеком. Л., 1965.
- Вежбицкая А. Выражение эмоций в русском языке: Заметки по поводу «Русско-английского словаря коллокаций, относящихся к человеческому телу» // А. Вежбицкая. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского языка. Л., 1979.
- Денисов П.Н., Морковкин В.В. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка. М., 1978.
- Долинин К.А. Стилистика французского языка. М., 1987.
- Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта. ДД. М., 1998.

Л.В. Ивица (Москва)

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ВЕНЧУРНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

Формирование терминосистемы на стыке ранее существовавших отраслей знаний и сфер деятельности всегда является процессом сложным и весьма противоречивым. В связи с этим характеристика ее

структур и семантики сопряжена с определенными трудностями. Это в полной мере относится к отраслевым терминосистемам, представляющим определенным образом организованную специфическую систему знаков, номинирующую специальную совокупность концептов и категорий конкретного фрагмента языковой картины мира. Изучение отраслевой терминосистемы осложняется и тем, что существование и судьба любой терминосистемы напрямую зависит от состояния той отрасли знаний или сферы деятельности человека, которые эта терминосистема отражает и обслуживает.

Англоязычная терминосистема венчурного финансирования (ВФ) до настоящего времени не становилась предметом специального исследования, а входящие в нее термины в своем большинстве еще не зафиксированы в словарях. На основании предложений С.В. Гринева (1993) и С.Г. Казариной (1998) нами разработана модель формализованного описания терминологической совокупности любой новой сферы человеческой деятельности и отрасли знания. В настоящей статье данная модель представлена в виде своеобразного «паспорта» англоязычной терминосистемы ВФ, содержащего информацию о структурных и семантических характеристиках данной терминосистемы.

I. ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

1. Время и место появления первых терминов

Венчурный капитал как альтернативный источник финансирования высокотехнологичных частных компаний и фирм появился в США в конце 50-х годов 20 века, а в Европе (в первую очередь в Великобритании) получил права гражданства в конце 70-х – начале 80-х годов. Его родиной является Shokley Semiconductor Laboratories, расположенная в Калифорнийской Силиконовой долине. Именно здесь впервые прозвучал неведомый никому тогда термин “venture financing” – “венчурное финансирование”, то есть выделение средств на реализацию научно-технических проектов в частном бизнесе без каких-либо четких гарантий на успех.

2. Причины (мотивы) возникновения терминосистемы

Возникновение новой разновидности частного бизнеса и его стремительное распространение потребовали создания соответствующего лексического инструментария, позволяющего партнерам устанавливать взаимовыгодные контакты и обеспечивать адекватную коммуникацию в новой отрасли реального сектора экономики, формирующейся на стыке нескольких традиционных сфер деятельности человека.